

ЕЛЕНА ГОВОР

РУССКИЕ В КВИНСЛЕНДЕ: У ИСТОКОВ

(Продолжение. Начало см. «АМ» № 61)

Мы продолжаем публикацию глав из новой книги нашего постоянного автора Елены Говор о начальном периоде русской эмиграции в Австралии. Пользуемся случаем, чтобы поздравить Елену и её коллегу Кевина Уиндла с публикацией их книги Voices in the Wilderness: A Digest of Russian-Language Press in Australia 1912–1919 [Голоса вопиющих в пустыне: Собрание русскоязычной печати Австралии, 1912–1919], Melbourne: Australian Scholarly Publishing, 2024. Книга была включена в шорт-лист на премию «Медаль за выдающиеся достижения в области перевода» Австралийской академии.

В КАПИТАЛИСТИЧЕСКО-КОММУНИСТИЧЕСКОМ БЕЛОВОДЬЕ

Ещё во время следования группы русских иммигрантов во главе с Калининым на «Никко Мару » в австралийской печати появилась первая корреспонденция о ней под характерным названием «Русские фермеры». Корреспондент отмечал, что в группу входят три семейные пары с детьми и что мужчины прежде работали на строительстве железной дороги в Сибири. В следующей корреспонденции сообщалось, что группа состоит из 24 человек и, за исключением четырёх человек, все они поляки. Они решили поселиться в Квинсленде, поскольку слышали благоприятные отзывы от своих земляков, и хотят взять землю на юге штата и заняться фермерским молочным хозяйством [1]. Три пары с детьми — это были Калинины с сыном, Лебедевы с двумя дочерями и Витковские с шестью детьми. Относительно этнического состава газеты были не совсем правы, в группу, действительно, входило несколько обрусевших поляков из Харбина — Джон Високинский и Антон Вишневский, женатые на сестрах Рослан,— но были и русские, и украинцы, а Яков Грант (Лившиц) был евреем.

Уже в первых публикациях газеты отмечали роль Лазаря Калинина, правда сначала не называя его по имени: «Похоже, что некоторое время назад один из участников группы был в Австралии и, вернувшись в Харбин, убедил своих товарищей эмигрировать в Квинсленд, который он описывает как очень прекрасную страну... Они говорят, что надеются, что в этом штате к ним будут относиться лучше, чем в их собственной стране». Через пару дней, после визита в земельный департамент, появились заявления и от имени самого Калинина. Он утверждал, что, если штат сможет предоставить поселенцам земли, «подходящие для молочного хозяйства и земледелия, он гарантирует привлечь 100 семей из района Владивостока, откуда прибыла и эта партия, причем каждая семья будет иметь капитал от 400 до 1000 фунтов. Он заявлял, что пока русские в восторге от той земли, что они увидели» [2]. Но в то время, как брисбенская газета сообщала о перспективах иммиграции

[1] Russian farmers. To settle near Brisbane // Telegraph, 18.09.1909, p. 7; Russian immigrants. To settle in Queensland // Telegraph, 20.09.1909, p. 3.

[2] Russians for Queensland // Brisbane Courier, 20.09.1909, p. 4. Russian immigrants. More desire to come. A chance for Queensland // Brisbane Courier, 22.09.1909, p. 5.

русских под заголовком «Шанс для Квинсленда», сиднейская газета прибавила скептический комментарий: «Еще бы им не ехать! Наша страна настолько прекрасна, что людям не нужно для этого ни малейшего поощрения. Но мы начинаем понимать, что в ближайшие годы мы сможем принять столько иммигрантов из своей родной страны, сколько сможем разместить. Сначала британцы, а потом — ну, посмотрим»[3].

Между тем, в реальности все складывалось отнюдь не так благополучно, как рисовалось австралийцам в страхах о русском нашествии. В документах земельного департамента сохранился первоначальный список российских иммигрантов, желающих взять земельные участки. Кроме Калинина в нем указаны его спутники — Винцент Витковский, Михаил Лебедев, Сергей Аверков, Сергей и Каликс Малиновские, Михаил Закржевский и Джон Високинский. К этому списку добавлены трое русских, прибывших на предыдущем корабле «Олденхам»,— наш знакомый Джон Баракин и его спутники Петр Гладеш и Джон Козар, который также прибыл с женой и двумя детьми[4]. Уже через пять дней после прибытия русской группы на «Никко Мару» газеты сообщали, что из 24 членов русской группы все, кроме трех, отправились на работу на плантации сахарного тростника в Бандаберге, и лишь оставшиеся трое, имеющие деньги, решили сразу взять земельные участки.

Что произошло в действительности, мы можем узнать из писем Пашинского. «Разыскивая для себя работу в Брисбене, натолкнулся на следы прибывшей в Квинсленд партии русских эмигрантов и даже удалось говорить с некоторыми,— пишет он.— Видел и К[алинин]а. ...Дела всех прибывших, включая и К[алинин]а, далеко не были важны. Вся группа наших искателей счастья состоит из бывших железнодорожных служащих, как-то: кондукторов, машинистов, конторских служащих. Прибыло их более двадцати человек. Некоторые из них уехали без всяких планов, просто искать заработка, счастья, а несколько человек, среди которых двое денежных, у двоих около 12 000 рублей, заключили между собою словесное условие (письменных договоров не писали, чтобы не оскорблять друг друга недоверием), по которому денежные люди несут расходы по найму земли и покупке инвентаря, а неимущие вкладывают в дело энергию, сельскохозяйственные познания, знание английского языка (К[алини]н) и проч.

Не буду вдаваться в подробности их договора, а скажу в общем, что они намеревались организовать капиталистическо-коммунистическое, на началах справедливости, сельское хозяйство. Еще будучи в Харбине, это своеобразное товарищество —„капиталисты с пролетарием на равных паях" выработало строгий Устав, сквозь который красной нитью прошла мысль сохранения возможно широкой свободы личности. По Уставу коммуна эмигрантов должна представлять из себя в трудной борьбе за существование вдали от родины одно неразрывное, твердое, как алмаз, общество, девизом которого должно быть „все для одного и один для всех". Вообще в основу Устава были положены разумные начала, но для неразвитых русских людей — невыполнимые. Если бы собралась подобная кучка эмигрантов-китайцев или японцев, то, можно сказать с уверенностью, они провели бы в жизнь подобную идею, но наши, вырванные из темной толпы соотечественники, у которых превалирующее значение имеют не доводы разума и не чувство правдивого, красивого, а грубые инстинкты и мелкий расчёт, разбили свой симпатичный проект ещё до приезда в Австралию.

По прибытии „труппы" ... в Дальний, поссорились две коммунистки. В Моджи, в Японии, перессорился весь женский персонал, произошла даже маленькая история. По дороге в Австралию не поладили между собою и мужчины. Могли бы быть осложнения, но, чтобы не доставлять хлопот пароходной администрации, предусмотрительно избежали их, разместившись по разным классам. „Капиталисты" с семействами ехали в улучшенном третьем классе — стеридж, а пролетарии в обыкновенном третьем.

В Австралии — на месте — среди чуждой обстановки, среди толпы, с которой для всех, кроме К[алинин]а, общение было невозможно, благодаря незнанию языка, коммунисты сгруппировались и даже, будто, примирились. ...Когда пришлось нашим денежным соотечественникам стать лицом к лицу с суровой действительностью, то они забыли и девиз, и справедливость. Их охватили личные эгоистические чувства и, забыв все обещания, они отдались всецело собственным интересам. ... Главный капиталист пока не купил фермы, держался за К[алинин]а и обещал дружбу, горы..., а использовав его, уехал хозяйничать один»[5]. В другом письме Пашинский также говорит об этом человеке: «Из прибывшей около двух месяцев тому назад в Квинсленд партии харбинцев ни одного не

[3] Russians in Australia // Sydney Stock and Station Journal, 24.09.1909, p. 6.

[4] Queensland State Archives (QSA), Item ID ITM25864, Russian Group, Roma Land Agent's District.

[5] [Пашинский А.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 21, с. 15–17.— Подпись: Ego.

Рекламный снимок Земельного департамента с дарами тропического Квинсленда — бананами и ананасами — на повозках *(Библиотека Университета Квинсленда)*

осталось в Брисбене. В. купил ферму в 40 милях от города»[6]. В.— это несомненно Винцент Витковский, уроженец Польши, перебравшийся в Россию, а в начале 1900-х годов — в Китай, вероятно на строительство железной дороги, т. к., согласно пассажирским спискам, по профессии он был инженером. В Австралию он прибыл с женой и шестью детьми». Действительно, в списке русских земельного департамента против имени Витковского стоит пометка «Купил землю в Бироуа (Beerwah)», и, согласно справочникам, его ферма находилась в юрисдикции соседнего поселка Бирбарам (Beerburrum) — это гористый лесной район к северу от Брисбена.

«Возле другого капиталиста, имевшего около 3.000 руб.,— продолжает Пашинский,— сгруппировались несколько человек, не знаю уже на каких началах, и они вместе взяли бесплатно дикий участок земли». Об этой же группе он писал в другом очерке: «несколько человек сгруппировались возле Л. на „бесплатной" дикой заросли, расчистка которой обойдется дороже нежели нанять удобную землю».

«Остальные наши переселенцы-пролетарии, не имевшие ничего общего с развалившейся коммуной, работают на сахарной плантации одного крупного капиталистического общества. С непривычки им очень трудно выстоять десятичасовой рабочий день под тропическим солнцем, но заставляет нужда! Они на полном содержании общества, т. е. получают пищу, угол для спанья и 10 рублей в неделю. Некоторым эта работа показалась непосильной, и они ушли в Брисбен, чтобы найти что-либо лучшее, но после долгих бесплодных поисков возвратились обратно на плантации, где и тянут теперь лямку»,— заканчивал Пашинский повествование о попытке организовать первую

[6] [Пашинский А.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 4, с. 14. — Подпись: Ego.

Кактус опунция захватывает ферму в Квинсленде *(Архив штата Квинсленд)*

«капиталистическо-коммунистическую» колонию в Квинсленде.

Небольшая группа иммигрантов, объединившаяся вокруг Л., тем не менее положила начало первому русскому групповому поселению в Австралии. Судя по пометкам на списке русских в земельном департаменте, эту первую группу решено было направить в Валлумбиллу, сельскохозяйственный район к западу от Брисбена, который незадолго до этого был открыт правительством для поселения. И действительно, 7 октября 1909 г. газеты сообщили о том, что трое русских, решивших сразу взять землю, посетили Валлумбиллу, где осмотрели участки, покрытые «колючей грушей» и готовы там поселиться. А в конце октября в газетах уже появились первые сообщения, что русские поселенцы взялись за расчистку участков, довольны перспективами и надеются, что скоро к ним присоединятся их соотечественники. Уже упомянутая сиднейская газета, перепечатывая это сообщение, иронично добавляла: «Честное слово, опасности русификации Квинсленда пока нет»[7]. И газетчики знали, о чём говорили — далеко не все иммигранты могли выдержать битву с «колючей грушей».

Об этом растении — по-русски его ныне называют кактус опунция — рассказывал Пашинский: «Австралия борется с засухой, кроликом и дикой грушей (разновидность кактуса). Последняя занимает огромные плодородные пространства. Она отличается удивительней жизненностью. Выкорчёванная и не сожжённая, она присасывается своими колючими широкими листьями к земле и снова продолжает расти на расчищенном месте. Это ужасное растение, бич для земледелия, растёт так густо, что подброшенное вверх

[7] Russians in Queensland // Sydney Stock and Station Journal, 28.10.1909, p. 6.

над зарослью яблоко не может, упавши достигнуть земли — остается в листьях заросли. Колючая груша сплошь покрыта иглами, которые причиняют весьма мучительные уколы». Привезённый в Австралию как экзотическое растение в конце XIX века, этот кактус стал быстро размножаться и захватывать сельскохозяйственные угодья. Не удивительно поэтому,— писал Пашинский,— что «вся земля в Квинсленде, за исключением заросшей дикой грушей, сдается в аренду за плату, размеры которой находятся в зависимости от почвы, удобств, места её нахождения и проч.» [8] Русские иммигранты попали в ловушку «бесплатной земли», взяв дешевые участки, заросшие кактусом, победить который в то время было практически невозможно.

В документах земельного департамента сохранился отчет инспектора Темпла Клерка о первых шагах русских колонистов в Валлумбилле, у которых он побывал в начале декабря 1909 г. Согласно его отчёту, поселенцы довольны своими земельными наделами, уже возвели домики и переезжают в них на следующей неделе. Они просят как можно скорее прислать землемера для определения точных границ земельных участков, а вот кактус уничтожать пока не спешат. Инспектор попросил поселенцев написать на русском языке письмо для их соотечественников, которое можно будет передать следующей группе новоприбывших иммигрантов, желающих поселиться на земле.

Единственной тревожной ноткой в отчёте инспектора был рассказ об одном из русских: «Я хочу также отметить, что один из этих поселенцев, а также его жена — люди высшего класса, муж в действительности русский священник, а его жена была учительницей. Мне кажется, что они оба люди высокообразованные и конечно никогда не занимались физическим трудом. К сожалению, я должен сказать, что жена кажется очень удручённой, оказавшись в такой глуши в буше, где ей не с кем поговорить, а её малышам (девочкам) не с кем играть. В результате они хотят вернуться в Россию». Несмотря на уговоры инспектора потерпеть ещё немного и дождаться приезда земляков, в конце декабря к отчёту была добавлена приписка: «Г-н Лебедев снёс дом, продал его и покинул район. Он собирается вернуться в Россию» [9]. Таким образом выясняется, что «капиталист» Л., упомянутый в письмах Пашинского,— это был Михаил Лебедев, прибывший в Австралию на «Никко Мару» с женой и двумя детьми в группе Калинина. Михаил Лебедев, очевидно, был известным человеком среди харбинцев, так как, когда в следующем году Валлумбиллу посетил другой русский иммигрант — Михаил Гадалов — он упоминал его в своем письме в русскую газету: «я решил поездить, посмотреть и взять землю. Был в трех местах; сделал в оба конца вёрст 1600–1700, посмотрел, как и где живут, был и в той местности, где селился Л., где земля даётся бесплатно и где теперь уже взято русскими до 15 участков. Там мне не понравилось» [10].

Лазаря Калинина, затеявшего переселение соотечественников-единомышленников в русскую колонию, среди поселенцев в Валумбиле не было, и жизнь его — после того как он оказался больше не нужен главному «капиталисту» Витковскому — складывалась нелегко. «К[алинин]ъ тоже не может устроиться,— писал Пашинский.— Ему трудно с женой и ребёнком. Тоже собирается на плантации. Не помогает ему при поисках заработка и доскональное знание английского языка. К[алинин] считает себя обманутым. Он советуется с адвокатами, был у консула. Намеревается подавать в суд жалобу на капиталиста. Выигрыш дела сомнителен, так как нет письменного договора». Наконец ему удалось найти место: «К[алинин]у с женой предложили работу на ферме. Он должен работать по сельскому хозяйству, по двору, доить коров, бить скот на мясо, и проч., а жена должна готовить есть, мыть белье. Жалованье на обоих на ½ года 300 рублей при полном содержании. К[алинин] находит эту работу лучше, нежели на плантациях. Он решил заработать денег и возвратиться обратно» [11]. К сожалению, это было еще только началом испытаний, выпавших на долю его семьи в Австралии. Тем не менее именно Калинин, Пашинский и Кларки Греи стали крестными отцами массовой русской эмиграции в Квинсленд.

ПЕРВОЕ РОЖДЕСТВО

А тем временем пароходы продолжали привозить в Брисбен все новые партии россиян с Дальнего Востока. В ноябре 1909 года корабль «Явата Мару» привёз большую группу харбинцев и несколько политэмигрантов из Нагасаки. Среди харбинцев была большая семья с пятью детьми мордвина Андрея Ивановича Кидяева, женатого на донской казачке Марии Инякиной. Его внук Эндрю Кидкэф — так в Австралии трансформировалась их фамилия — собрал сохранившиеся у членов семьи русские документы и написал детальное исследование об истории эмиграции и жизни в Австралии

[8] [Пашинский А.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 21, с. 16–17.

[9] QSA, Item ID ITM25864.

[10] [Гадалов М.] Русские эмигранты в Австралии // Далекая окраина, 21.08.1911, с. 2. —Подпись: Г-лов.

[11] [Пашинский А.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 21, с. 17.

семьи Кидяевых. В частности, он отмечает любопытную деталь — Андрей Кидяев, служивший в Харбине кочегаром на железной дороге, уже в начале 1909 года начал хлопотать о паспорте и оформлять копии метрических выписок о крещении детей. Несомненно, что это было связано с их планом выехать из России. Среди документов у Кидяевых сохранилось рекомендательное письмо Ф.А Корбута, сотрудника Международного общества спальных вагонов и скорых поездов, который помогал Кидяеву и его спутникам — А. Банникову, И. Скурату, Д. Чехову и С. Куцу — выехать в Австралию. Корбут рекомендует их Иммиграционному и туристскому бюро в Квинсленде, отмечая, что эти русские иммигранты готовы в течение первого года заниматься сельхозработами, чтобы познакомиться с условиями жизни в Австралии, а затем взять земельные участки. «Это первые, кого я рекомендую, но если они подойдут, то я готов продолжать подыскивать молодых сильных людей, в которых нуждается ваша страна»,— пишет Корбут, явно проча себя на место иммиграционного агента[12]. Все спутники Кидяева ехали с женами и детьми, и, вероятно, с небольшими сбережениями, рассчитывая взять земельные участки. В эту же группу, прибывшую в ноябре на «Явата мару» входил и Василий Старшинов, который, как он сам рассказывал на склоне жизни, был членом одной из революционных партий, и когда ему пришла повестка для службы в армии, счел за лучшее бежать в Китай, а оттуда в Австралию[13]. Среди других политических, ехавших из Нагасаки, можно отметить Павла Иордана, бежавшего из Харбинской тюрьмы[14], и фотографа Сергея Снегова, который станет наборщиком русских газет, издававшихся в Австралии.

Последним японским пароходом, прибывшим в Брисбен в 1909 году, стал декабрьский рейс «Никко мару», на котором были политэмигранты из Нагасаки Самуил Богуславский, Петр Модрак и учительница Анна Кривцова. Самуил Богуславский из Екатеринослава был членом РСДРП с 1903 года и до отъезда в Австралию уже трижды бежал с каторги и ссылки. Петр Модрак — поляк, по образованию учитель, в результате участия в польском освободительном движении был сослан в Сибирь, откуда бежал в Японию. Пашинский, в своем очерке для русской газеты, писал о нем едва завуалированно, правда не называя по имени: «Бывший наш сельский учитель, по независящим от него обстоятельствам, закончил свою педагогическую деятельность в русской деревне и очутился под жарким солнцем Австралии на сахарной плантации с женой!...»[15] В своей книге «В стране кенгуру» Модрак отмечал, что он выбрал Австралию местом своей эмиграции благодаря книге, в которой рассказывалось о передовых социально-экономических реформах в Австралии. Он был вдумчивым наблюдателем и в своих работах не раз обращался к своему австралийскому опыту.

В Кобе к этой группе политэмигрантов присоединился еще один соотечественник — Петр Павленко. В отличие от Модрака, он был простым человеком, крестьянином, которого земляки снарядили в далекую страну разведать, каковы там условия. Такие люди, действующие по поручению общины, назывались в России ходоками. Отправила его группа крестьян, переселившихся из Черниговской губернии в Приморский край. Разочаровавшись в условиях жизни на новом месте и, узнав о чудесной стране за океаном — Австралии,— они решили послать туда на разведку своего земляка. В Иммиграционном Бюро, предоставлявшем иммигрантам кров на время поисков работы, Павленко встретил группу Кидяева, и от лица всех обратился в земельный департамент[16]. Он ратовал за то, чтобы русским иммигрантам с Дальнего Востока австралийские власти предоставляли льготный тариф для переезда в Австралию, и в этом случае обещал, что «сотни иммигрантов приедут в Квинсленд, так как они недовольны тяжелыми условиями жизни при царском режиме»[17]. Австралийские репортеры добавляли, что «сибиряки — прекрасные фермеры, и что сибирское масло уже начало завоевывать мировые рынки. Используя современные методы и оборудование, прибывающие иммигранты, которые славятся как трудолюбивые трезвые работники, смогут создать для себя здесь свой желанный дом»[18]. Увы, австралийский репортер был слишком оптимистичен, так

[12] Kidcaff, Journey to Hardship..., p. 39.

[13] Hotimsky C. M. Interviews 12–23 April 1965, Hotimsky's Archives, University of Melbourne Archives.

[14] Піддубний Г. Мідяні заграви, Харків, 1933, с. 16.

[15] [Пашинский А.] Неделя в Брисбэне // Маньчжурская газета, 22.09.1911, с. 2. — Подпись: Ego.

[16] Павленков П. Я. Поездка из села Черниговки (Приморской обл.) в г. Сидней (Австралия) // Далекая окраина, 13.02.1910, с. 2; 14.02.1910, с. 3.

[17] Russians for Queensland // Bundaberg Mail and Burnett Advertise, 20.12.1909, p. 2.

[18] Russian immigrants. Arrived this morning // Telegraph, 14.12.1909, p. 8.

как и большая часть членов группы Кидяева, и большинство остальных иммигрантов вынуждены были на первых порах отправиться на строительство железных дорог и рубку сахарного тростника, а Павленко, вернувшись в Черниговку, выступил с критическим отчетом о заокеанском рае.

В одной из своих корреспонденций, написанной в день австралийского Рождества 25 декабря, Пашинский подводил итоги первого «русского» года в Квинсленде и рассказывал о своем житье бытье:

«Переношусь мысленно в родные места и как-то не верится, что во время рождественских праздников соотечественники кутаются в шубы, дохи, одевают папахи, валенки! В Квинсленде это самое жаркое время. Если я случайно во время спешной работы оставляю железный лом на земле, то он до того накаливается, что им невозможно работать; приходится обворачивать тряпкой. <...> Радуюсь, что попал на ферму, расположенную недалеко от берега моря,— где всегда есть ветерок. Говорят, что в это время в глубине страны невыносимо жарко. Наши эмигранты сообщают с сахарных плантаций и с постройки железной дороги, что жара действует удручающе. Непривычные к тропическому климату наши земляки болеют потерей аппетита. Многие готовы бежать, но некуда. Особенно плохо чувствуют себя на постройке дороги, где приходится работать с ломом, кайлой, лопатой; грузить камень и землю на телеги и проч. <...> На ферме я делаю положительно всё: расчищаю и подготовляю для пашни новь, корчую пни и жгу их, на очищенном от зарослей месте ставлю проволочную ограду, хожу за плугом, ухаживаю за лошадьми, дою коров и проч. и проч.» [19]

Петр Модрак писал о том же декабре: «Приехал я в Австралию 12-го декабря 1909 года почти без денег. С первого же дня, конечно, пришлось взяться за первую попавшуюся работу. Попал я на ферму расчищать землю под пашню». Вскоре «пошли проливные дожди, чуть ли не по неделям. Работать невозможно» [20]. Хибара, в которой он жил, протекала, нельзя было ни высушить одежду, ни разжечь костер, да и хозяин согласился только на сдельную оплату. Таким образом Модраку на первых порах пришлось буквально выживать, но, благодаря своему образованию и упорству, он сумеет воплотить в жизнь мечту об австралийском рае для рабочих.

[19] [Пашинский А.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 5–6, с. 15–16.

[20] [Модрак П.] Письма из Австралии (От нашего корреспондента) // Новая жизнь, 18.11.1911, с. 4. — Подпись: М.

Самый дешевый и удобный
проѣздъ для русскихъ путешественн. и эмигрантовъ
ВЪ АВСТРАЛІЮ.
Пароходная компанія въ гор. Шанхаѣ.
The Eastern & Australian Steamship Co. Ltd.
Ежемѣсячные рейсы изъ Шанхая въ Брисбенъ, Сидней, Мельбурнъ и промежуточные порты.

ПАРОХОДЫ:

«Empire»	4.500	тоннъ.
«St. Albans»	4.500	»
«Eastern»	3.600	»
«Aldenham»	4.000	»

КЛАССЫ: I. II и III.

Цѣна проѣзда со столомъ въ III кл.:

Отъ Шанхая до Брисбена	£ 10.5.0	£ означаетъ 1 ф. стерлинг., на наши деньги около 10 р. 10, 5/, £, слѣдовательно, составл. не много менѣе 100 р.
» » » Сиднея	£ 11.0.0	
» » » Мельбурна	£ 11.10.0	

Пароходы этой компаніи, отличаясь дешевизной проѣзда, въ то же время предоставляютъ пассажирамъ даже III класса всѣ удобства и комфортъ: отдѣльныя каюты, электрич. освѣщеніе, ванны, постельное бѣлье, докторъ, хорошій столъ, библіотека и т. д. Пароходная компанія имѣетъ непосредственную связь съ Австралійскимъ Эмиграціоннымъ Бюро. Путь изъ Россіи чрезъ Шанхай, кромѣ всего, даетъ возможность ѣдущимъ въ Австралію побывать въ Японіи безъ дополнительной приплаты, такъ-какъ пароходы изъ Шанхая направляются рейсомъ Шанхай—Моджи—Іокогама—Гонконгъ.

О времени отхода пароходовъ и за подробностями обращаться по адресу:
Для телеграммъ: GIBB. SHANGHAI.
Письменно: GIBB. LIVINGSTON & Co. 2 Yuen Ming Yuen Rd. SHANGHAI.

Реклама английской пароходной линии в Австралию
(Спутник по Дальнему Востоку на 1911 — 1912 год)

А КОРАБЛЬ ПЛЫВЁТ...

В 1909 году (в основном на протяжении сентября — декабря) в Квинсленд с Дальнего Востока прибыло 74 русских иммигранта, в то время как в целом по Австралии количество въехавших русских подданых составляло 470 человек. В новом 1910 году иммиграция продолжалась по модели, которая начала складываться в конце 1909 года. Каждый месяц японский корабль привозил в Квинсленд группу русских иммигрантов с Дальнего Востока, что в общей сложности в 1910 году составило 299 человек, а в 1911–544 человека. В небольшом количестве прибывали в Квинсленд иммигранты и из Америки и Европы. И хотя русские продолжали въезжать и в другие штаты (по стране в целом в 1910 году число прибывших россиян составило 731 человека, а в 1911–1013), с 1910 года иммиграция в Квинсленд стала самой многочисленной, причём состояла она преимущественно из русских, украинцев, беларусов, поляков с небольшой долей русскоязычных евреев из Харбина

Гдѣ контора О-ва?..	Where it the office of... (*хуэр* из ди оффис оф...).
Я ѣду въ Австралію, Сидней.	J go to Australia, Sidney (ай го ту Остра-ліа, Сидней).
Сколько стоитъ билетъ туда по III кл., со столомъ?	How much does a ticket cost there, third class, with food? (хау мöч эй тикет кост сзер, сзöрд класс, уисз фуд.
Когда отправляется туда пароходъ?	When does the steamer start there (хуэн доз ди стимёр старт сзер).
Во сколько часовъ?	At what time? (Эт *хуот* тайм).
Который пароходъ идетъ на Сидней?	Which steamer start for Sydney? (*хуич* стимёр старт фор Сидни).
Дайте мнѣ билетъ III кл., безъ стола.	Give me a ticket, third class, without food. (Гив ми эй тикэт, сзöрд клас уисза*ут* фуд).
Лодочникъ, везите меня на пароходъ.	Boatman, take me to the steamer... (боотмэн тэйк ми ту ди стимöр).
Гдѣ моя каюта?	Where is my cabin (*хуэр* из май *кабин*).
Укажите мнѣ мое мѣсто.	Show me my place (ш*оу* ми май плэйс).
Вотъ мой билетъ.	This is my ticket (диз из май тикэт).
Идите на палубу, сэръ.	Step on the board, sir (стэп он ди боорд, сэр).

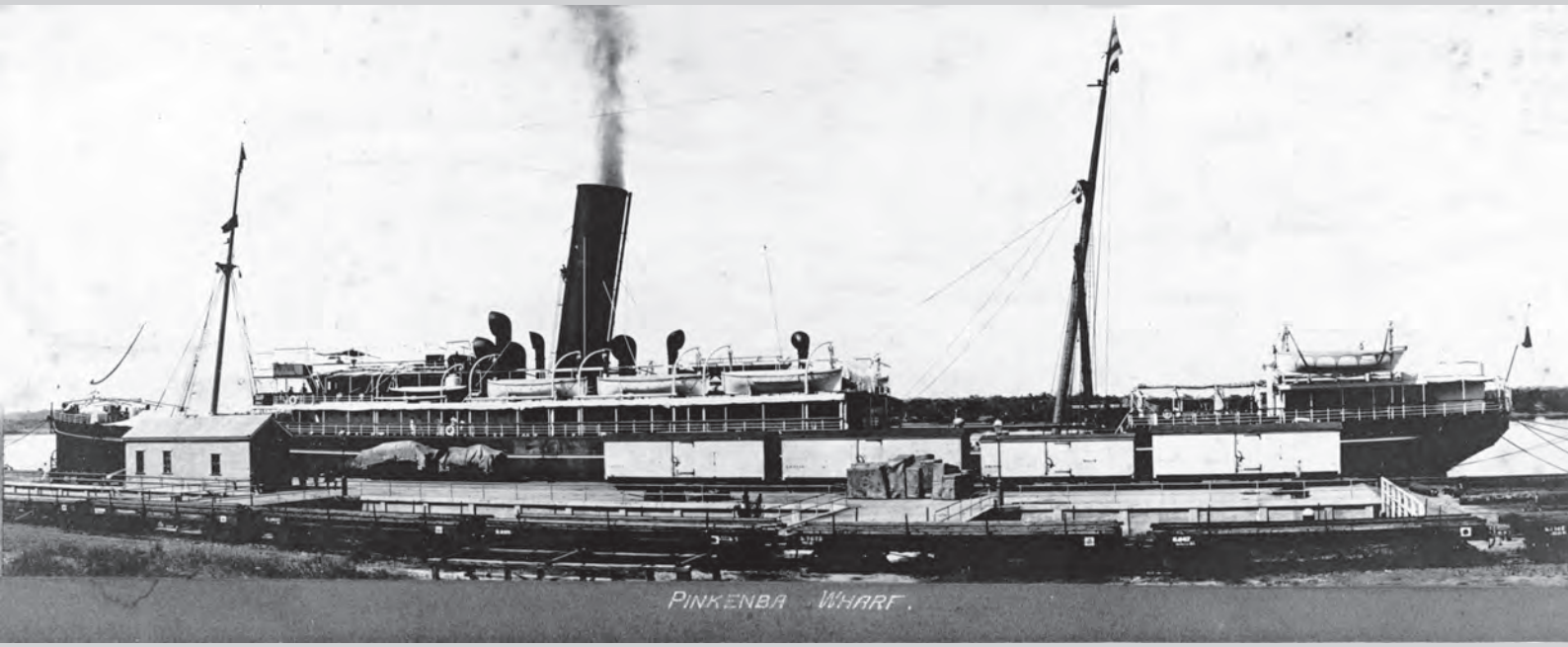
Разговорные фразы в «Спутнике по Дальнему Востоку на 1911 — 1912 год» уже ориентированы на эмигрантов в Австралию

и Сибири, и, таким образом, именно Квинсленд стал центром русского притяжения в Австралии[21].

Состав эмигрантов по-прежнему был двояким — наряду с политэмигрантами, всё увеличивавшимся потоком прибывали в Австралию мастеровые, разнорабочие, крестьяне. Иногда они ехали семьями, иногда жена и дети прибывали несколько месяцев спустя, после того как муж обустроился и заработал денег на их проезд. Так число жён и детей составляло в 1910 году более трети от числа всех русских иммигрантов.

Основные перевозки иммигрантов совершали три японских корабля — «Кумано Мару», «Явата Мару» и «Никко Мару»; небольшое количество пассажиров из дальневосточных портов перевозили также британские корабли «Эмпайэ», «Истерн» и «Олденем». Японские корабли по своему назначению были грузопассажирскими и имели японские команды. Отправляясь из Нагасаки, они по пути в Австралию заходили в Гонконг и Манилу, а в Австралии останавливались на острове Четверга в Торресовом проливе, в Таунсвилле, Брисбене и Сиднее, завершая своё путешествие в Мельбурне. После этого они совершали обратный рейс, посещая те же порты. Путешествие до Брисбена длилось обычно 23 дня, а до Мельбурна — 30. Разница в стоимости проезда между Брисбеном и Мельбурном была незначительная, а вот между классами существенно различалась. Для европейцев на кораблях предназначались 1-3 классы. Стоимость проезда в 3 классе до Брисбена составляла 15 фунтов. Для представления о соотношении цен отметим, что 15 английских фунтов в то время соответствовали 150 русским рублям. Средние зарплаты у рабочих в России были около 24 рублей в месяц, а у служащих в пределах 20-50 рублей. Таким образом, стоимость билета была довольно велика и не удивительно, что русские рассматривали как вариант

[21] Количество въехавших с Дальнего Востока подсчитано по пассажирским спискам, общее количество см. Elena Govor, Russian Perceptions of Australia, 1788–1919: PhD Thesis, Australian National University, 1996, с. 232–233.

Океанский корабль у пристани в Пинкенбе, 1912 год *(Библиотека штата Квинсленд)*

проезд в намного более дешёвом «азиатском» классе, где билет до Брисбена стоил всего 105 рублей[22].

Особенно актуальным это было для политэмигрантов, которые полагались на случайные заработки и помощь своих соратников. Как уже отмечалось, ещё в июле 1909 г. Кларки и Задоровский настояли, чтобы им разрешили проезд в азиатском классе. Это разрешение послужило прецедентом на будущее и в дальнейшем им пользовались и другие эмигранты. «Разница между 3-м азиатским классом и 3-м улучшенным та,— писал политэмигрант Яков Грант,— что первый имеет одну общую громадную каюту для всех пассажиров этого класса и двухъярусные деревянные полати, а второй — имеет отдельные шестиместные каюты с мягкими кроватями. Главное же различие их в пище. В 3-м азиатском классе японская пища, которая состоит из различной рыбы, овощей, риса и в обед из 23 маленьких кусочков мяса. Все это так приготовлено, что ничто, кроме риса, не съедобно для европейца. В 3-м же, улучшенном классе, подаются европейские кушанья, хотя в мизерном количестве и скверно изготовленные». Грант и его спутники перед посадкой на пароход в Нагасаки запаслись «сливочным маслом, консервами, чаем, сахаром и хлебом, так что,— пишет он,— с японского стола мы, кроме риса и кипяченой воды, почти ничего не брали»[23]. Другой политэмигрант, Игнатий Ленковецкий, прибывший в Австралию в феврале 1910 года, не был столь предусмотрительным и в сердцах писал: «Вдобавок ко всему этому — эта японская дрянь, от которой тошнит. Всю дорогу питался исключительно чаем и хлебом. Черт бы их побрал с их вонючей пищей». Редактор издания, в котором было опубликовано это письмо, добавил к нему примечание: «Пишущий — крайне неприхотливый и здоровый человек, бывший сельским учителем, прошедший ссылку и всевозможные мытарства российского тюремного режима»[24]. Не удивительно, что в воспоминаниях эмигрантов это путешествие на корабле — своего рода обряд перехода — виделось по-разному. Одни ужасались японской кухне, другие — ехавшие в 3-м европейском классе,— хвалили сервис на корабле.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

По прибытии в Брисбенский порт корабль встречал санитарный врач, а багаж осматривал таможенный агент, но документов, удостоверяющих личность, никто не требовал. Пинкенба, порт Брисбена, находился километрах в 20 от города,

[22] П. Кларк. К сведению переселяющихся в Австралию // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 2, с. 14–15.

[23] [Грант Я.] В Австралию // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 8, с. 10.

[24] Путешествие и жизнь русских в Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 26, с. 16.

Иммигрантский дом на мысу Кенгуру, ставший первым домом для российских иммигрантов
(Библиотека штата Квинсленд)

и, если корабль не встречал иммиграционный агент или кто-либо из соотечественников, иммигрантам самим предстояло добраться до города на пригородном поезде. Уже это первое знакомство со страной давало материал для наблюдений и сопоставлений. Так, внимание Модрака прежде всего привлекли грузчики в порту: «В основном они были одеты в синие брюки и серые шерстяные рубашки с короткими рукавами, а на головах широкополые шляпы, прекрасно защищавшие шеи от тропических лучей солнца. Их лица и руки были бронзовыми. Многие курили трубки. От них веяло самоуверенностью и гордостью. Они приступили к работе с большим спокойствием. Я сразу заметил, что отношения здесь другие, чем в портах, которые я видел до сих пор. Как я позже узнал, эти рабочие были членами могущественного профсоюза, охватывавшего всю Австралию. Без них ни одно судно не могло быть разгружено или загружено».

Поездка на поезде тоже таила интересные наблюдения. В поезде были вагоны только 1 и 2 класса, но не было 3-го — для простого народа. «Это было как бы первым видимым признаком демократического устройства страны»,— отмечал Модрак. «Начальницей вокзала была женщина, которая сама решала все дела на вокзале — продавала билеты, выходила на перрон до прихода и отхода поезда и т.д.», что тоже было необычно для русского глаза. А ещё Модрак отмечает, что, сдав багаж в багажное отделение поезда, он не получил никакой квитанции, и по прибытии в Брисбен просто забрал свой чемодан, уже стоящий на платформе. Билет у него проверили только при выходе со станции. В глаза ему бросилось и благосостояние общества: «По пути можно увидеть отдельные

Лагерь железнодорожных рабочих около Тувумбы, 1911 год
(Библиотека штата Квинсленд)

домики с верандами, утопающие в зелени цветов. Коттеджи от 3 до 4 комнат и более. Порядок и достаток везде. На станциях в поезд садились пассажиры, спешащие в столицу. Все они были хорошо одеты. В одежде людей не было больших различий»[25].

Но по-настоящему русские иммигранты начинали знакомиться с базовыми принципами успешности австралийского общества, попав в Иммигрантский дом (Immigration Depot). «В центре города построен огромный каменный дом, в котором помещается переселенческий департамент и имеется помещение для приезжающих, преимущественно из Англии, переселенцев и для граждан Квинсленда, подыскивающих работу» — писал о нём Пашинский. Здесь иммигранты могли прожить неделю, находясь на полном обеспечении. Русских здесь прежде всего поражало отсутствие бюрократической волокиты. «По прибытии предъявляю корешок корабельного билета, — писал Модрак. — Никаких бумаг у меня не потребовали, только мою фамилию отметили, и мне выделили койку в общей, чистой и хорошо освещённой комнате». «Когда прибывает на пункт кто-нибудь из новых пансионеров, то ему достаточно обратиться к эконому или повару, и он устроен и введён в курс основных правил, — вторит ему Пашинский. — Никаких бумаг, паспортов и официальностей». «Эмигрантский дом помещается в громаднейшем, каменном, двухэтажном здании, окружённом чистеньким садом. Здание освещается газом. В левом крыле этого здания находятся две очень больших, светлых, чистых

[25] Modrak P. W kraine kangura, Lwów: państwowe wydawnictwo książek szkolnych, 1936, c. 13–15.

комнаты — столовая и спальня на 50 кроватей — и одна маленькая — ванная и умывальник с водопроводом»,— делился своими впечатлениями Грант. Павленков отмечал, что каждому дают «кровать с чистою простынею, одеялом и подушкой». Действительно, русского не трудно было удивить. В один голос иммигранты подробно расписывали и бесплатное трёхразовое питание — «мясо, белый хлеб, свежее сливочное масло, овсяная каша с сиропом, чай с молоком».

Обращали они внимание и на ещё одну важную особенность: «Нас крайне удивляли царившие на пункте порядок и тишина, несмотря на полное отсутствие какого-либо надзора,— писал Пашинский, явно мысленно полемизируя с русскими порядками.— Надзирателей, полиции, стражников заменяют здесь развешенные по стенам всего здания печатные правила о правах пансионеров и их обязанностях в отношении соблюдения установленного режима и этого по-видимому вполне достаточно, так как пансионеры, насколько мы присмотрелись, сами прилагают все усилия, чтобы не нарушать обычаев дома, гостеприимно открывающего перед ними двери, и требуют от других точного выполнения установленных правил». Это же отмечал и Павленков: «В конторе порядок и чистота. Сами эмигранты, которые там живут, поддерживают порядок и всё убирают».

Но самой важной функцией Иммигрантского дома была помощь в устройстве на новом месте. Управляющий дома служил посредником между земельным департаментом и иммигрантами, желающими заняться сельским хозяйством. Он же, расспросив новоприбывших «чем кто занимался раньше и чем желает заняться теперь», подыскивал для них работу через рабочее бюро. «Ежедневно утром во время чая он обходит столовые, любезно приветствует завтракающих пансионеров, усаживается на свободное место за общий стол, объявляет, где есть работа и зачисляет на неё желающих по очереди, в зависимости от времени пребывания пансионеров на пункт[е]»,— рассказывали Ленковецкий и Пашинский. «Каждый эмигрант получает бесплатный билет на поезд 2-го класса [до места работы],— добавлял Модрак и заключал: — На каждом шагу можно увидеть продуманную до мелочей организацию, направленную на оказание максимально возможной помощи будущему гражданину страны. Никто не ждёт без нужды. Они делают вещи для всех без лишней формы». Не удивительно, что Пашинский, рассказывая об Иммигрантском доме, который он называет переселенческим пунктом, отмечает, что это австралийское «учреждение имеет только общее название с нашим русским переселенческим пунктом», и заключает: «В общем в этой стране сразу бросается в глаза забота о не устроившихся ещё переселенцах и о безработных. Здесь никого не оставляют на произвол судьбы, а напротив стараются поставить на ноги каждого, нуждающегося в поддержке»[26].

РАБОТА

Забота об эмигрантах была отнюдь не благотворительностью австралийского правительства. Из бесед с управляющим Иммигрантского Дома Пашинский вынес убеждение, что это была продуманная система развития молодого штата. Его собеседник говорил: «Мы много тратим на школы, на железные дороги, устройство грунтовых дорог, расчистку диких местностей от зарослей и от излишнего леса, вообще, мы воспитываем граждан и изыскиваем для них труд, а на содержание полиции и тюрем у нас расходы ничтожны. Мы предпочитаем расходовать свои народные средства на разные полезные постройки, организацию трудовых бюро, на содержание домов, подобных переселенческому пункту, который вы видите и проч. Железные дороги не приносят нам ничего, кроме убытка, но тем не менее мы прокладываем их в самые дикие, глухие места. Разовьётся сельское хозяйство, скотоводство, овцеводство, промышленность, торговля и они — дороги, окупятся сторицей и станут доходны, а теперь железнодорожные сооружения поглощают весь излишек безработных, о которых нам нельзя не думать, потому что ежемесячно к нам прибывают сотни новосёлов из Англии, Германии, Швейцарии и других стран»[27].

Именно железные дороги, расходившиеся веером от Брисбена во всех направлениях, и стали на первых порах главным местом трудоустройства прибывающих русских иммигрантов. Обычно иммигранты, прибывшие на одном корабле, отправлялись туда целыми группами. Например, Ленковецкий пишет:

[26] [Пашинский А.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 22, с. 882; № 27, с. 1008–1009. Modrak P. W kraine kangura, с. 15–16. [Грант Я.] В Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 10, с. 14–15.— Подпись: Автоном Катрусь. Павленков П. Я. Поездка из села Черниговки (Приморской обл.) в г. Сидней (Австралия) // Далекая окраина, 13.02.1910, с. 2; 14.02.1910, с. 3. Путешествие и жизнь русских в Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 26, с. 16–17.

[27] [Пашинский А.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 27, с. 1009.

«Мы, одиннадцать человек, согласились на постройку железной дороги. Я хотел было на резку сахарного тростника, но в это время года на сахарных плантациях работы мало. Агент выдал нам записки, и мы пошли к главному инженеру постройки, который окончательно и принял нас. На следующий день мы отправились по бесплатным билетам 2-го кл. на место постройки». Эта работа не требовала никакой квалификации и знания языка и состояла в земляных работах, насыпке грунта, а затем укладке шпал и рельсов; она велась под присмотром бригадира и под контролем инженера. Русские называли ее «работать кайлом и лопатой». Оплата на такой работе по русским меркам была довольно высокой, но труд был настолько тяжёлым, что многие иммигранты, не привыкшие к такому физическому труду, не справлялись с нормой. В этом случае бригадир мог рассчитать их или перевести на сдельную оплату труда.

Не менее изнурительной была и работа «на тростнике» в центральных и северных районах Квинсленда. На такую работу попала группа, в которой ехал Яков Грант. «На другой день нам предложили работу на сахарной плантации, откуда уже получился ответ на телеграфное предложение рабочих рук эмигрантским бюро. Мы согласились поехать на эту работу. Эмигрантское бюро выдало нам девять бесплатных билетов 2го класса, и мы покатили по железной дороге на сахарную плантацию»,— бодро начинал он свой рассказ. «После первого дня работы мы пришли домой совершенно больные, разбитые. На руках можно было насчитать десятки мозолей»,— продолжает он. Рабочий день длился 10 часов, с часовым перерывом на обед. Надо сказать, в их группе из 9 человек «трое ранее не имели ни малейшего представления о какой бы то ни было физической работе». Не удивительно, что через несколько дней часть из них предпочла вернуться в Брисбен, кто-то нашел работу на фермах, и только те, у кого не было выхода, продолжали трудиться на тростнике. Но и здесь над слабосильными висела угроза немедленного расчета, если они не справлялись с нормой.

Работа на фермах оплачивалась хуже, рабочий день продолжался 10 часов, и из работника тоже выжимали все соки. Не удивительно, что Павел Иордан, наставляя в 1913 году новоприбывшего Григория Пиддубного, говорил: «Куда бы ты не поехал работать, бойся только одного: чтоб не попасть на ферму к какому-нибудь австралийскому мужичку... Это такие живодеры, что наши кулаки перед ними — как яйцо перед цыпленком» [28].

И, наконец, еще одним массовым местом трудоустройства была работа в шахтах или на медеплавильных предприятиях. Там был такой же изматывающий труд, сопровождавшийся постоянной угрозой несчастного случая, так как техника безопасности на шахтах оставляла желать лучшего.

К этому надо добавить, что рабочий день на многих таких работах длился по 10 часов, с рассвета до заката. Жили рабочие в палатках или бараках, и во многих случаях сами должны были готовить еду на костре и стирать одежду. Единственное, на что иммигранты поначалу не жаловались — это на обилие еды: баранина два раза в день, изобилие белого хлеба, масла и джема.

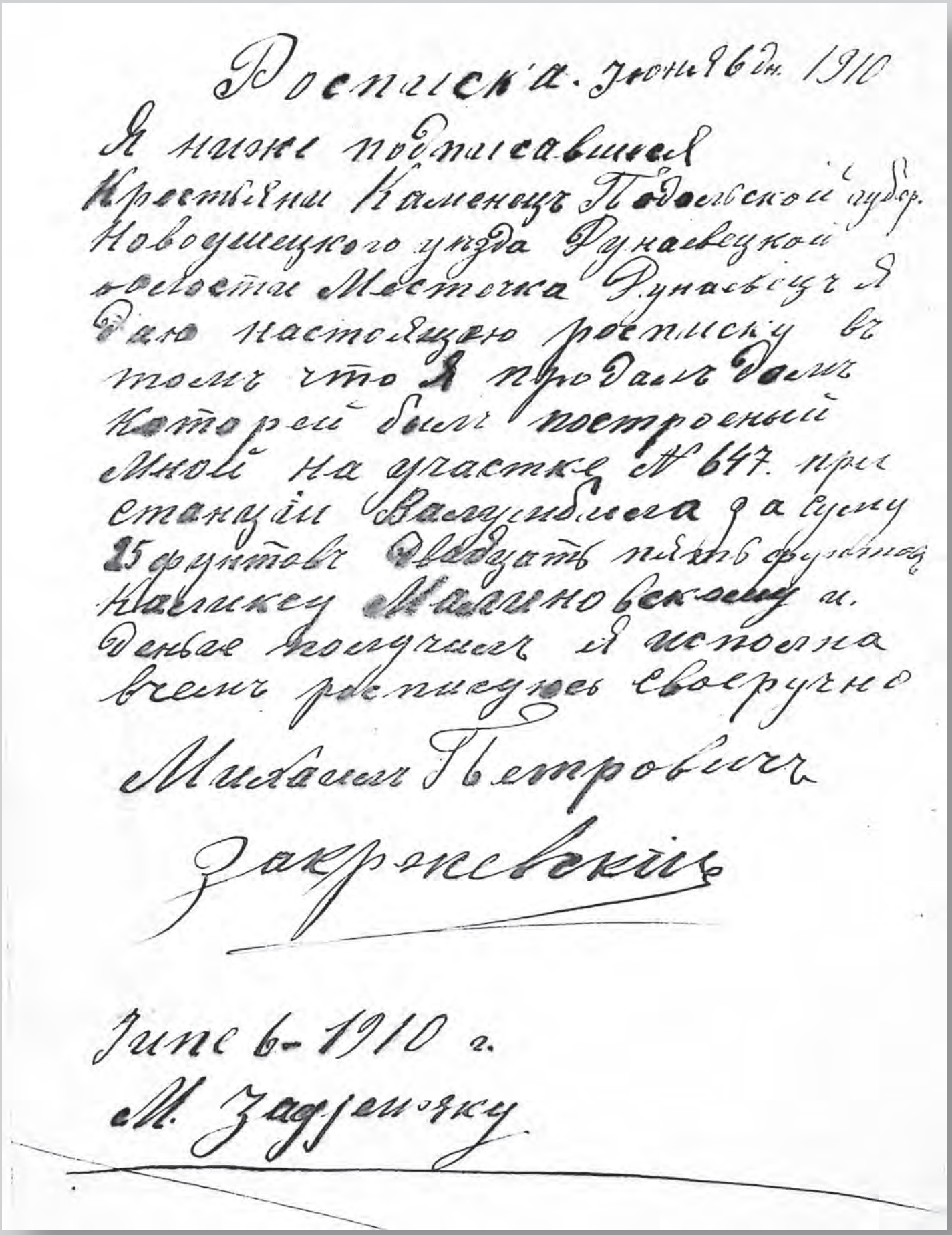
ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ

Оставалась еще одна надежда — поселиться на своей собственной земле, которой, казалось бы, в молодом малонаселённом штате Квинсленд было в изобилии. И здесь самое время вернуться к истории русского поселения в Валлумбилле, куда первые русские переселенцы прибыли ещё в конце 1909 года. Австралийский земельный департамент с большим интересом отнёсся к поселению русских в Валлумбилле, создав специальную группу участков под названием «Русская группа». Идея была в том, чтобы русским переселенцам выдавались земельные наделы, находящиеся по соседству, и они таким образом могли бы поддерживать связи между собой.

Среди первопоселенцев были прибывшие в конце 1909 года Джон Козар с женой и ребёнком и уже знакомый нам по корреспонденциям с парохода Джон Баракин. Братья Симон и Каликс Малиновские из Каменец-Подольской губернии в Украине прибыли в сентябре 1909 года вместе со своим земляком из той же губернии Михаилом Закржевским. Жена Закржевского приехала, вероятно, в январе 1910 г., но три месяца спустя она покинула Австралию. Семья Кидяевых с пятью детьми в возрасте от полугода до 8 лет, прибывшая в Брисбен в ноябре 1909 года, уже в январе 1910 г. переехала в Валлумбиллу. По воспоминаниям, собранным летописцем этой семьи Эндрю Кидкэфом, они и несколько других русских семей сначала разместились в Валлумбилле в старом поместье, построенном ещё во время первоначальной колонизации края, и Андрей Кидяев занялся строительством их первого дома.

В январе — апреле 1910 г. ряд новых семей прибыли в Австралию и направились в Валлумбиллу. Очевидно, новоприбывшие иммигранты получали направление в Валлумбиллу в земельном департаменте,

[28] Піддубний, Мідяні заграви, с. 17–18.

Расписка. Июня 6 дн. 1910

Я нижеподписавшийся
Крестьянин Каменецъ Подольской губер.
Новоушецкого уезда Рунаевецкой
волости Местечка Рунаевцы Я
Дано настоящую роспись в
том что я продалъ Дом
Который былъ построенный
Мной на участке № 647. при
станции Васкульбиллы за сумму
25 фунтовъ Двадцать пять фунтовъ
Кавикеу Малиновскому м.
Деньги получилъ и исполнил
всем условиям своевременно

Михаилъ Петровичъ
Ракрянскій

Іюнь 6-1910 г.
М. Задеенскій

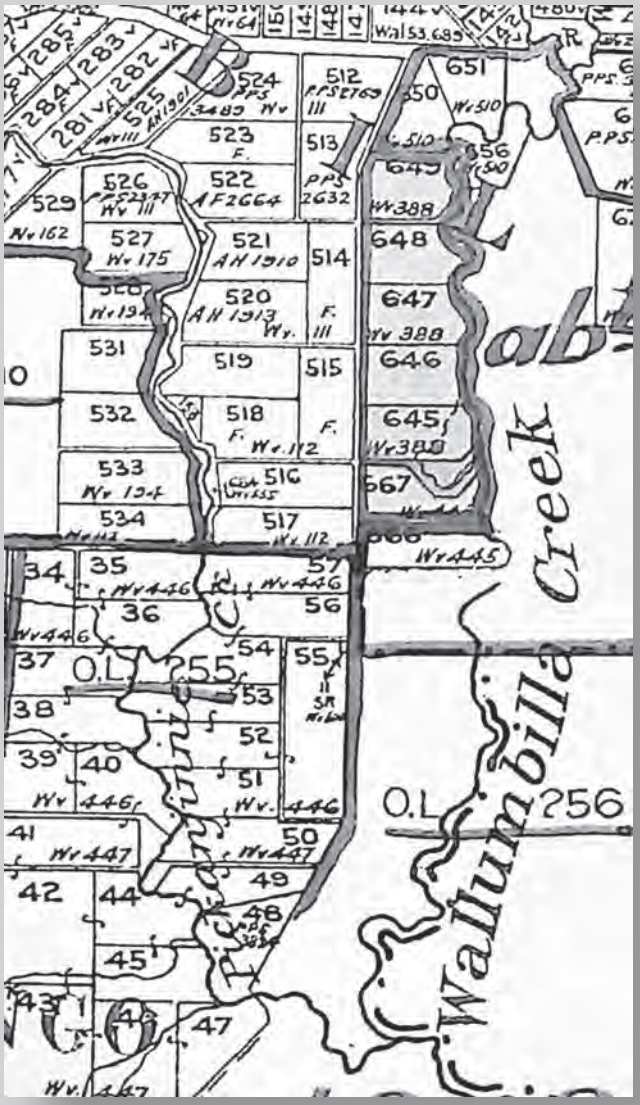
Каких только документов не встретишь в Архиве штата Квинсленд! Перед вами расписка за проданный дом

а, возможно, слава о Валлумбилле уже дошла до Харбина и, отправляясь в путь, они уже знали, куда едут.

Только это может объяснить таинственную историю, произошедшую с саквояжем Ивана Никонца, прибывшего в Брисбен 9 января 1910 года. Через несколько дней после его прибытия полиция задержала в Брисбене стюарда с корабля «Орвието», который, напившись, устроил погром в камере хранения своего корабля, украв ряд вещей сослуживцев. Обыскивая его каюту, полиция обнаружила странный саквояж, который явно не принадлежал стюарду. Как выяснилось, он прихватил его с платформы на вокзале, отправляясь на свой корабль. В газетном репортаже из зала суда сообщалось: «Саквояж, ставший предметом третьего обвинения, окружён некоторой тайной. Личность или местонахождение законного владельца не известны полиции, которая, однако, проводит расследование по этому делу. Основная подсказка — этикетка на саквояже с надписью “Nikonjitz. Wallumbilla”. Внутри саквояжа было обнаружено множество странных предметов одежды, которые указывают на то, что владелец имеет русскую национальность, причём рассматриваемая одежда была похожа на одежду, которую носят крестьяне в стране царя. Это предположение подтверждается и двумя тетрадями с записями на языке, который, похоже, является русским. В чемодане также была найдена фотография мужчины средних лет в рамке»[29]. Стюард, укравший чемодан, получил срок 4 месяца каторжных работ, а вот удалось ли полиции разобраться, что Nikonjitz — это был Иван Никонец, украинец из города Сумы, остаётся неизвестным. Можно только представить, что он испытал, оставшись один в чужом городе без вещей и без языка — ведь он даже не смог заявить в полицейский участок на вокзале о пропаже своих вещей. Никаких сведений о его пребывании в Валлумбилле найти не удалось, но известно, что он вскоре отправился на строительство железной дороги, а затем поселился в русской колонии, основанной Николаем Ильиным на плато Атертон.

На протяжении 1910 года поток колонистов из Российской империи в Валлумбиллу не прекращался. В январе приехал Джон Руммакайне с женой, по национальности он был финном, а жена Харитина — русской или полькой из Сибири. В земельных документах его фамилия писалась как Румонкайне и Румискайне, жизнь

[29] Stealing on the Orvieto // Brisbane Courier, 17.01.1910, p. 6.

Фрагмент карты с русскими участками вдоль ручьёв Пиканджинни и Валлумбилла

Карта земельных участков Валлумбиллы *(Архив штата Квинсленд)*

в Австралии они продолжили под фамилией Румукин. В феврале 1910 г. в Австралию на разведку приехал 45летний Феофан Кохичко, оставивший жену и четырёх детей в Харбине. На одном корабле с ним прибыли 47-летний Алексей Матвеевич Соколов с женой Анной Андреевной и сыновьями Николаем 19 лет и Василием 12 лет и политэмигрант Игнатий Ленковецкий, с письмами которого мы уже познакомились. После трех месяцев тяжелого труда на строительстве железой дороги Ленковецкий писал: «В конце мая начнется резка сахарного тростника. Пойду рубить. Нас образовалась группа, и хотим взять землю»[30].

В марте на «Никко Мару» прибыли крестьянин Николай Бури (возможно Бурый) из Воронежа с женой Пелагеей и 10-летней дочкой Агафьей и плотник Джон (Иван Карпович) Черни (Чёрный?) из Волынской губернии, который, отслужив пять лет в русской армии, подался в Харбин, а оттуда отправился попытать счастья в Австралию. Вместе с ним прибыл в Австралию Владимир Николаевич Ламин из Камышина в Саратовской губернии с женой Марией Ивановной. О причинах их иммиграции неизвестно, но Ламин производил впечатление образованного человека.

Особенно большая группа россиян, судьбы которых окажутся связанными с Валлумбиллой, прибыла в апреле 1910 года на корабле «Кумано Мару». Это был Андрей Губарев из Богородицка под Тулой с женой Ефросиньей Михайловной и тремя сыновьями в возрасте от года до четырех лет. Как и Черни, он отслужил свой срок в русской армии и хотел фермерствовать на своей земле. Вместе с ним прибыл токарь Джон Минюхин из Сарапула с женой Верой и дочерью Ольгой; возможно, по происхождению они были удмуртами. Сигизмунд Ромашкевич был поляком из Ковно (Каунаса) в Литве, он приехал в Маньчжурию в самом начале строительства КВЖД; по профессии он был седельщиком, специалистом по обработке кожи. Но теперь решил попытать счастья в качестве фермера в Валлумбилле, пока его жена Эмилия оставалась с детьми в Харбине. Чтобы заработать денег, он сразу по прибытии дал объявление в брисбенской газете: «Ищу любую работу. Говорю по-русски, по-немецки и по-польски»[31]. Его земляк Джон Тринкун, прибывший на том же корабле, тоже оставил на время свою семью в Харбине, отправившись в Австралию на поиски новой земли. И, наконец, на том же корабле «Кумано Мару» прибыло большое семейство Кларков, ставших в Австралии Греями. С передовым отрядом его — братьями Иваном, Борисом и Владимиром, — прибывшими в августе-сентябре 1909 года, мы уже познакомились. Теперь же приехали их родители, Павел Иванович и Мария Федоровна со своими младшими детьми Павлом (11 лет) и Натальей (10 лет), и старшей дочерью Надеждой Павловной Виноградовой с её четырьмя дочерями в возрасте от года до четырех лет. В это же время в Валлумбиллу прибыл наш давний знакомый Николай Дорф, который вместе с Антонием Пашинским стоял у истоков русской эмиграции в Австралию. Теперь он решился попробовать себя в качестве самостоятельного фермера. И, наконец, в июле 1910 года на корабле «Явата мару» в Австралию прибыл Николай Осипов из Томска с женой Марией, профессия которого в пассажирских списках была указана как клерк. На том же корабле прибыл Степан Андреевич Ланкин из Самары, который, согласно пассажирским спискам, был фотографом, его жена Анна и их четверо детей в возрасте от года до 11 лет.

Хотя русское поселение в Валлумбилле было задумано как единый посёлок, в 1910 году русские участки образовали два кластера. Первоначальная группа участков, освоение которых началось ещё в 1909 году, располагалась вдоль Валлумбилла Крик, милях в шести к югу от самого поселка Валлумбилла. Вторая, более новая группа располагалась немного южнее, вдоль Пиканджинни Крик.

Среди первопоселенцев в поселке Валлумбилла Крик была семья Кидяевых. На свой участок 646 они перебрались в августе 1910 года, когда отец, Андрей Кидяев, построил там жилье. На соседнем участке 647 поселился Михаил Петрович Закржевский. По некоторым сведениям, он участвовал в Русско-японской войне и был несомненно человеком грамотным, так как в Архиве штата Квинсленд сохранился любопытный документ, написанный Закржевским по-русски — расписка о продаже им своего дома Каликсу Малиновскому: «Расписка. Июня 6 дня 1910. Я, нижеподписавшийся крестьянин Каменец-Подольской губернии [...] местечка Дунаевец, даю настоящую расписку в том, что я продал дом, который был построенный мной на участке № 647 при станции Валумбила за сумму 25 фунтов Каликсу Малиновскому и деньги получил исполна, в чем расписуюсь своеручно. Михаил Петрович Закржевский. June 6 1910. M. Zagjewsky»[32].

[30] Путешествие и жизнь русских в Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 26, с. 17.

[31] The Brisbane Courier, 4.10.1910, p. 8.

[32] QSA, Item ID ITM25864.

Как только ни писалась его фамилия по-английски — Zagjevsky, Zaggeuzky, и даже Zakchevsky, и, как мы увидим, это позволяло его различным идентичностям существовать независимо друг от друга.

О том, что произошло с Закржевским дальше, писал русский иммигрант Михаил Гадалов: «За попытку провезти сюда контрабанду опиум посажен в тюрьму на три месяца некий Закржевский, бравший землю по соседству с Л[ебедевым], но, продав свой домишко, он поехал в Харбин, взял там опиум и... влетел с ним» [33]. Закржевского действительно арестовали с 7 килограммами опиума в Бандаберге. Представ перед судом, он через переводчика объяснял, что вез этот пакет в Бандаберг для передачи китайцу, и понятия не имеет, что такое опиум [34]. Вскоре после этого Михаил покинул Австралию и вернулся в Харбин. В 1927 г. он снова приехал в Австралию, в следующем году к нему присоединись жена и сын Виктор, родившийся в Харбине. На этот раз они поселились в Тангуле, другой русской колонии около Ромы, где Михаил занимался выращиванием хлопка. Он натурализовался под именем Zakrjevsky, ни словом не упомянув свой первый опыт фермерства в Австралии и историю с опиумом [35]. Напротив, он активно участвовал в создании первой русской православной церкви в Австралии. Историк межвоенной русской общины Квинсленда Николай Дмитровский-Байков писал о нем: «Уже немолодой Михаил Петрович Закржевский (1879–1961) своими руками построил новый каменный забор перед церковью; материалы были куплены на пожертвования Александра Бардина, в то время жившего уже много лет на своей ферме в Wallumbilla» [36]. Невестка Михаила, Галина Закржевская, стала историком этого русского храма [37].

С Александром Бардиным мы еще встретимся, а русская история участка 647 продолжалась. После отъезда Закржевского на нем поселился Каликс Малиновский, в то время как его брат Симон перебрался в Брисбен, женился и открыл там фруктовую лавку. Рядом с ними на участке 648 поселился Ромашкевич, в ноябре к нему приехала жена Эмилия с тремя детьми в возрасте от года до 5 лет. Рядом с ним участок 649 взял его земляк Джон Тринкун. Жена Тринкуна с пятью детьми в возрасте от года до 16 лет приехала в апреле 1911 года. Участок 645, с другой стороны от фермы Кидяевых, принадлежал Джону Козару, а после его отъезда перешел к Ланкину. Здесь в июне 1911 года у них родился пятый ребенок, сын Валентин. Джон Руммакайне (Румукин) с женой взяли участок 667.

Во втором поселке, Пиканджинни Крик, к концу 1910 года тоже собралась группа иммигрантов из России. Участки, выделенные им, располагались по две стороны ручья Пиканджинни, недалеко от его впадения в ручей Валлумбилла. Названия этих ручьев происходили из языка местных аборигенов мандандандж и характеризовали землю, изобильную водой, рыбой и черепахами. Рыба, действительно, в те времена ещё водилась в заводях. Хотя и не очень широкие, но во время сильных дождей ручьи разливались и затапливали прилегающие к ним участки. Поскольку ручей Пиканджинни разделял русские участки, а моста через него не было, поселенцы даже планировали заказать в Брисбене лодку и использовать ее для переправы [38].

На восточной стороне ручья Пиканджинни, на участках, прилегавших к русским первопоселенцам в Валлумбилла Крик, поселились новоприбывшие русские. Участок 57, ближайший к Валлумбилле, но сильно заросший опунцией, занимал Николай Бури с семьей. Плотник Джон Черни взял участок 50; вполне вероятно, что с его помощью и возводились дома его русских соседей. Соколовы в августе 1910 г. взяли участок 49. Губаревы перепробовали несколько участков — 51, 41, 46, но в 1911 году перешли на участок 49, после того как Соколовы его оставили: здесь и родился их четвертый сын Кирилл. Осипов с женой в августе 1910 года взяли соседний участок 48. За рекой, на западной стороне ручья Пиканджинни, поселились уже знакомые нам политэмигранты Ленковецкий (40) и Дорф (44). Ламины жили на соседнем участке 45, построив там небольшой дом. Дорф долго не задержался на своем участке, и он перешел к новоприбывшему Кохичко, который приехал вместе с Ленковецким и Соколовым. Минюхины выбрали участок 35; через несколько месяцев у них родилась здесь вторая дочь Зинаида. В конце 1910 года на участке 47, самом южном, поселился Осип Александров с семьей, который на некоторое время стал лидером русской колонии. К сожалению, известно о нем очень мало. Прибыл он, по всей видимости, не с Дальнего Востока, а из Европы. Ему было около 45 лет, а его старшему сыну

[33] [Гадалов М.] Русские эмигранты в Австралии.

[34] An opium case. A Russian punished for illegal possession // Bundaberg Mail and Burnett Advertiser, 13.12.1910, p. 2.

[35] Zakrjevsky Michael Piter — born 24 September 1879 — Russian. — NAA, A435, 1949/4/3650.

[36] Дмитровский-Байков Н. И. Русские в Квинсленде // Австралиада, 2001, № 29, с. 3.

[37] Zakrjevsky G. History of St. Nicholas Russian Orthodox Cathedral in Brisbane. Australia. 1923–1993, Brisbane, 1997.

[38] Tardent H. A. Report on his visit to Russian settlers at Wallumbilla, QSA, Item ID ITM25864.

Профессор Кевин Уиндл и доктор Елена Говор на презентации их книги Voices in the Wilderness: A Digest of Russian-Language Press in Australia 1912-1919 [*Голоса вопиющих в пустыне: Собрание русскоязычной печати Австралии, 1912-1919*]

Алексею, который вскоре оказался в лечебнице для душевнобольных в Гудне, около 18 лет[39]. Очевидно, Александров был состоятельным человеком, т. к. через год он уже имел большое хозяйство.

Австралийская печать на протяжении 1910 года следила за русским поселением в Валлумбилле. Иногда комментарии появлялись в юмористическом ключе. Например, в связи с тем, что в том же районе предоставляли землю и другим иностранцам, комментатор в газете «Трус» иронизировал: «Земельный департамент Квинсленда несет ответственность за то, что немецкие и русские поселки находятся на близком расстоянии друг от друга. Земельный департамент совершенно не принимает во внимание весьма вероятный случай, когда расовая ненависть может вспыхнуть из-за вторжения коров Шнайдера в кукурузу Бершкоффа, вследствие того, что молодой Шнайдер забыл закрыть

[39] Western Star and Roma Advertiser, 28.10.1911, p. 2.

ворота в заборе. Проблемы относятся как к будущему, так и к настоящему.»[40] Упоминая русское поселение в Валлумбилле, газеты на первых порах неизменно отмечали, что, взяв участки, заросшие кактусом-опунцией, русские понимают стоящие перед ними трудности и с оптимизмом смотрят в будущее[41]. «Французские и русские поселенцы, недавно поселившиеся в наших краях,— сообщал корреспондент из Валлумбиллы,— люди прекрасного телосложения. Они еще недостаточно овладели английским языком, чтобы понять свои перспективы, но, судя по их поведению и энергии, они кажутся полностью удовлетворенными»[42]. Корреспонденты стремились отметить нечто экзотическое в поведении их новых соседей. Так, сравнивая их с французскими эмигрантами в Пиканджинни Крик, они отмечали, что в то время, как французы живут в палатках, русские, работая на соседних фермеров, построили себе «очень солидные дома, очевидно, с намерением уберечься от холода, который они ожидают испытать зимой, хотя и были предупреждены, что такие меры предосторожности в этой стране солнца не нужны»[43]. В другой корреспонденции отмечалось, что «некоторые из поселенцев занимались в Маньчжурии торговлей мехами и ввели в Австралии новый способ обработки кож»[44].

Отчуждение, которое испытывали австралийцы по отношению к своим новым соседям, и прежде всего из-за отсутствия общего языка, хорошо передают воспоминания Конни Хавард. В 1988 г. она рассказала местному краеведу Рослин Стемлер, как к ним на ферму, бывало, заходил Андрю Кидкэф, который уже немного освоил английский, и говорил: «Не бойтесь этих людей. Пусть они заходят в ваш дом!» «Но вы себе представить не можете, как это было,— продолжает Конни.— Понятно было, что они русские, и они просто приходили и ходили по всему вашему дому. Неважно, что вы что-то делаете или чем-то заняты, они просто ходили по дому. Эндрю говорил: «Они ничего плохого не сделают! Они просто смотрят!» Ну, я не знаю, что в конце концов случилось с ними со всеми!»[45]

Однако уже в это время начали раздаваться и предостерегающие голоса. Так газета «Воркер» еще в январе 1910 г. саркастически комментировала: «Русские иммигранты в Квинсленде поменяли только один вид колючек на другой. Дома они боролись с колючками имперской тирании, а в стране Антиподов, в стране больших обещаний, борются с колючей опунцией»[46]. А газета «Трус» доводила этнические стереотипы до предела: «Русские эмигранты говорят, что они вполне удовлетворены землями, на которых их разместило патерналистское правительство Квинсленда. Удивительно, что человеческое животное может вежливо стерпеть в руках незнакомца. Если бы царь обращался с этими русскими так же, они, вероятно, были бы настолько оскорблены, что сразу же приступили бы к изготовлению бомб»[47]. (К этому времени слава о русских как террористах стала общим местом их образа в глазах западного мира). К июню 1910 г. тревожные нотки усилились. Корреспондент из Валлумбиллы, сравнивая французских и русских поселенцев, отмечал, что русское поселение терпит фиаско, «главным образом из-за незнания земли и земледелия. Тот факт, что русские не владеют английским языком, усугубляет ситуацию, и они, похоже, совсем не доверяют британцам и их методам хозяйствования. [...] Опять же, если бы правительство лучше вникло в их ситуацию и дало им больше советов по ведению хозяйства, да разместило этих маньчжурцев на землях, пригодных для молочного животноводства и земледелия, а не на зараженных опунцией землях, они могли бы лучше совладать с ситуацией. Сейчас они подрабатывают в разных местах, чтобы изучить язык и обычаи австралийцев»[48].

Наконец, в сентябре 1910 г. в Валлумбиллу отправился инспектор земельного департамента. Со времени его предыдущего визита, в декабре 1909 г., прошло 9 месяцев. Посетив первых поселенцев в поселке Валлумбилла Крик, он выяснил, что двое семейных вернулись в Россию, а еще двое работали на строительстве железной дороги. На участках не были возведены изгороди и ничего не было предпринято для очистки земли от кактуса. Один дом был построен, но хозяин его был на работе в отлучке. Некоторую надежду вселяли в него только новоприбывшие семьи, которых он называл

[40] Truth, Brisbane, 9.01.1910, p. 1.

[41] 'French and Russian settlers' // Brisbane Courier, 13.01.1910, p. 4.

[42] 'Land Settlement at Wallumbilla' // Brisbane Courier, 28.02.1910, p. 4.

[43] 'Russians and French as colonists' // Brisbane Courier, 9.04.1910, p. 4.

[44] 'The Russian immigrants' // Brisbane Courier, 2.02.1910, p. 4.

[45] Arthur & Connie Klein interviewed by Roslyn Taylor (Stemmler) on their farm, The Pines, on the Chadford north Road, Wallumbilla, 11 January 1988.

[46] Worker, Brisbane, 29.01.1910, p. 9.

[47] Truth, Brisbane, 23.01.1910, p. 1.

[48] 'The Russian immigrants' // Brisbane Courier, 29.06.1910, p. 4.

маньчжурцами — Ромашкевич, Тринкун, Руммакайне и Ланкин. Он отмечал, что они уже начали протягивать проволочные изгороди между участками, построили первые хижины, разбили скотные дворы. Один из поселенцев купил 15 коров, второй вот-вот закончит скотный двор и тоже купит коров, третий возводит дом. «Эти люди кажутся довольными своими перспективами, и все их семьи в добром здравии. У них есть телеги, лошади и т. д.», — писал инспектор.

В новом поселке Пиканджини Крик «из 6 маньчжурцев, — по словам инспектора, — двое уехали на заработки, а остальные четверо усердно трудятся на своей земле, готовясь к переезду семей на участки и началу молочного скотоводства. Они уже договорились о покупке от 10 до 20 коров. У них есть телеги, лошади, проволока и железо для строительства. Они просят, чтобы их земля была обследована как можно скорее, чтобы они могли заняться ограждением. Они заявили, что довольны своей землей и открывающимися перед ними перспективами». Вместе с тем бочки с ядом и разбрызгиватель, предназначавшиеся для борьбы с кактусом опунцией, и присланные для русских поселенцев земельным департаментом, еще не были востребованы. Впрочем, и сам инспектор, как кажется, не очень верил в успех борьбы с кактусом, указывая, например, в своем отчете, что он посоветовал Николаю Бури взять другой участок, так как выбранный им никогда не удастся расчистить от кактуса. Тем не менее инспектор договорился с фермером из Валлумбиллы, Х. Дж. Аткинсоном, «честным и порядочным человеком», помочь русским с использованием разбрызгивателя и сообщать ему о других нуждах поселенцев, а среди русских он наметил для контактов двух человек — Дорфа и Ланкина, — которые немного знали английский язык.

Одной из проблем в новых поселках были дороги, о чем в своем отчете инспектор писал: «У них есть веские основания жаловаться на дорогу к своим участкам, и я считаю справедливым, что если уж их бросили на землю, зараженную опунцией, и они показывают, что собираются заняться молочным животноводством и т. д., им нужна дорога, по которой они смогут вывозить сливки на продажу... Работа по прокладке дороги будет стоить самое большее всего несколько фунтов»[49]. Дороги еще долго оставались больным местом, и вскоре это привело к первой трагедии. К сентябрю 1910 года Феофан Кохичко уже обосновался на своем участке в Пиканджинни Крик и планировал выписать свою семью из Харбина. 14 октября он поехал в Валлумбиллу за покупками, на обратном пути колесо его повозки наскочило на скрывавшийся в зарослях опунции пень, повозка перевернулась, придавив всей тяжестью его шею, и он скончался на месте. Погибла и лошадь, задавленная хомутом и упряжью. Ламины заметили отсутствие Феофана не сразу. Утром Владимир отправился на поиски соседа и нашел его под повозкой в полутора милях от дома. На судебном следствии Ламин и Осипов выступали свидетелями. Следствие сочло смерть Кохичко несчастным случаем. По сведениям Кидкэфа, он был похоронен на кладбище в Роме[50]. Трагическая смерть Кохичко не прошла незамеченной, о ней писали многие газеты. На заседании парламента Квинсленда член законодательного собрания Дж. М. Хантер, рассказав о смерти русского поселенца, выступил с пылкой речью: «Люди, взявшие участки, зараженные опунцией, являются настоящими героями... Корона пообещала потенциальным поселенцам, что они проложат для них дороги, прежде чем они возьмут землю, и самое меньшее, что министерство могло бы сделать, это выполнить это обещание»[51].

В новом, декабрьском, отчете инспектора снова зазвучали тревожные ноты: «Если бы можно было направить к ним надежного компетентного человека, который знает их язык, чтобы проинструктировать их по вопросам ведения хозяйства, можно было бы надеяться на успех, но если все останется как есть, я не вижу надежды на положительный исход». Инспектор также отметил, что поговорить с русскими ему удалось только благодаря помощи «парня лет 15, который переводил»[52]. По всей видимости это был один из сыновей Соколовых; известно, что по прибытии их в Австралию, младший сын, Василий, некоторое время успел походить в школу в Брисбене и освоить английский, но возможно, что английский знал и их старший сын, Николай.

Вопрос языка действительно стоял остро и в следующем году земельный департамент нашёл неожиданный способ для его решения ■

.

[49] QSA, Item ID ITM25864.

[50] 'Wallumbilla fatality' // Darling Downs Gazette, 20.10.1910, p. 5; 'Wallumbilla, November 16' // Brisbane Courier, 17.11.1910, p. 6; Kidcaff, Journey to Hardship..., p. 120.

[51] Queensland, Parliamentary debates, Legislative Assembly, 16 December 1910, c. 2899.

[52] QSA, Item ID ITM25864.